

АЛЕКСАНДРА БЕРГ

РАЗВОД
С ДРАКОНОМ
НОВАЯ ЖИЗНЬ

Александра Берг Развод с Драконом. Новая жизнь

<https://litres.ru/73965978>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он отобрал у меня всё: имя, дом, достоинство. Мой муж, моя истинная пара, хладнокровно бросил меня на растерзание толпе. Униженная, растоптанная тем, кого любила больше жизни, я должна была исчезнуть. Но я выжила! Собрала себя по осколкам и начала новую жизнь! Однако стоило мне сделать первый уверенный шаг, как он появился вновь.

Думает, что может всё исправить? Наивный...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	30
Глава 4	44
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Александра Берг

Развод с Драконом.

Новая жизнь

Глава 1

— Виновна! — голос судьи резанул по натянутым до предела нервам.

Тяжёлый, спёртый воздух давил на плечи и, казалось, я то-ну в гуле осуждающих шепотков, доносящихся со всех сто-рон. Полукруглая площадь была забита до отказа. Именно этого он и хотел.

Мой муж.

Мой любимый.

Мой истинный.

Позорное зрелище, срежиссированное холодной рукой, чтобы мое унижение стало достоянием каждого зеваки в этом проклятом городе.

Он стоял напротив, на другом конце судилища. Высокий, несокрушимый. Чёрные как смоль волосы падали на высо-кий лоб, а суровые, жёсткие черты лица казались вылеплен-ными из камня.

Но всё это меркло перед его глазами. Два тёмных, обжигающих угля, впившихся в меня взглядом, который не спрашивал, а утверждал. Не судил, а уже вынес приговор. Задолго до того, как судья вообще открыл рот.

Мир сузился до этого пространства между нами, до гула крови в ушах и жара его взгляда на моей коже.

— Виновна, и развод вступает в силу немедленно, — про-
рокотал судья, ставя жирную точку.

“Виновна” — пронеслось в мозгу, который за эту неделю превратился в склизкий студень. — “Виновна в том, что не смогла родить дракону наследника. Воистину, худшего преступления в этом мире не сыскать”.

Жалкий сарказм, конечно. Но в мире, где превыше всего ценится мощь рода, это был смертный приговор. Драконы чтут силу. Силу рода, силу имени, силу будущего. Она — это неразрывная цепь наследия.

А я? Я оказалась бракованным звеном. Ржавым и бесполезным.

Вышла замуж за дракона — будь добра соответствовать. Их законы высечены не на пергаменте, а в самой их жгучей крови. И главный закон гласит: “Всё, что не делает род сильнее, должно быть уничтожено”.

Слабость, сострадание... бесплодие.

Всё это — мусор, который нужно вымести, чтобы не мешал сиять величию дома.

Я тоже мусор. Теперь уже.

— Командующий Дариан Легард, остались ли у вас вопросы?

— Нет, — лязгнул металл его голоса. Голоса моего мужа. Уже бывшего.

“У меня есть! Есть вопросы!” — вопило всё внутри. — “Провалитесь вы все в Пекло!”

Хотелось кричать до хрипоты, биться о стены, вцепиться пальцами в собственные волосы и рвать их, рвать...

Но меня никто не спросил.

Чего собственно хочу я? А хочу я лишь одного — проснуться. Понять, что вся эта кошмарная неделя — лишь дурной, липкий сон. Чтобы всё стало, как прежде. Повинуясь слепому, животному инстинкту, я подняла руку. Там, где прежде вилась изящная руновязь, которой я так гордилась, теперь багровел уродливый, рваный шрам. Моя метка истинности.

Выжжена.

Стёрта.

Уничтожена.

Даже сейчас страшно вспомнить тот день. День, с которого всё и началось.

Летний сад, утопающий в полуденном зное. Тяжёлые, пахнущие мёдом и солнцем розы.

Я гуляла. Касалась бархатных лепестков, слушала, как поют птица, а потом... Потом воздух сгустился. Точно невидимая рука плеснула в мир расплавленного стекла.

Жужжание насекомых утонуло в вязкой тишине, ароматы цветов стали приторными, удушающими. Голову сдавил ледяной обруч, и мир поплыл, теряя краски и чёткость.

Мне стало плохо. Не просто дурно — это было глубинное, нутряное ощущение неправильности, словно всё моё существо восстало против самой себя.

Я хотела позвать на помощь, но из горла вырвался лишь тихий, сухой кашель.

И тут запястье левой руки пронзила боль.

Не просто боль — ослепительная, испепеляющая агония. Словно клеймо из раскалённого добела металла впилось в мою плоть, выпаривая кровь, сжигая сухожилия, добираясь до самой кости.

Я увидела, как тонкая, изящная вязь вспыхнула и почернела.

Запахло палёным... моей собственной кожей.

Крик застрял в лёгких. Перед глазами полыхнуло багровым, и последнее, что я почувствовала — это как земля с безразличной жёсткостью ударила меня в висок.

Не знаю, сколько я пролежала в беспомощности — мгновение или вечность.

Возвращение было медленным, мучительным.

Сначала вернулся запах — острая нота раздавленной под щекой мяты и сырой земли. Затем — ощущение липкой влаги в волосах и ноющей боли во всём теле.

Я с трудом разлепила веки. Безжалостно-яркое солнце за-

слонял силуэт. Силуэт человека.

Дариан.

Моё сердце совершило отчаянный, болезненный кульбит.

Он здесь! Он нашёл меня! Сейчас мой дракон подхватит меня на руки, прижмёт к своей могучей груди, и весь этот кошмар закончится.

Я ждала, что он бросится ко мне.

Но Дариан не двинулся с места. Его лицо было каменной, непроницаемой маской. Ни один мускул не дрогнул. Ни тени беспокойства, ни проблеска сочувствия. Только суровая, ледяная сосредоточенность, которую я видела лишь однажды — на военном совете, когда Дариан отдавал приказ о полномасштабном наступлении.

Он застыл всего в нескольких шагах — высокая, несокрушимая фигура, ледяной монумент. И тупо смотрел, как я мучаюсь.

— Все кончено, Вивиен, — холодно процедил он. — Наша связь... Видимо, она была ошибкой.

— Великий Дракон не ошибается, — едва слышно выдохнула я, сама не понимая, сорвались ли эти слова с губ или так и остались беззвучным криком в сознании.

— Ты слаба. И жалка, — проговорил он. — Тебе не место в доме Легард.

В тот миг в цветущем саду умерла не только наша любовь. Умерла я сама. Осталась лишь пустая, звенящая оболочка.

Великий Дракон не просто просчитался на мой счёт — он

зло посмеялся надо мной. Ибо бог, которому молятся драконы, был ещё безжалостней своих созданий.

Меня выдернул из оцепенения змеиный шёпот, волной прокатившийся по залу

“Стыд-то какой...”

“Немыслимо...”

“Уж не подделала ли эта девка метку истинности?”

Зал потонул в гуле голосов, жалящих, как рой ос.

По коже, там, где раньше горели руны, пробежал ледяной ожог. словно на живую рану сыпанули соль и битое стекло.

Я в отчаянии метнула взгляд на Дариана.

Скажи им!

Кричала я безмолвно.

Скажи, что это не так! Что ты сам почувствовал нашу связь, что сам нашёл меня, что это не было ложью! Вспомни, как ты стоял на коленях перед своим грозным богом. Как вымаливал у моего отца разрешения взять меня в жены! Скажи... Ну же!

— Лишить имени и всех привилегий, дарованных браком!

— вновь ударил голос судьи.

Двое стражников в гербовых накидках дома Легард, которых ещё неделю назад могли казнить, всего лишь за один косой взгляд в мою сторону, двинулись ко мне.

Я знала, что будет дальше.

Ритуал.

Последний акт унижения.

Грубые пальцы впились в нежный шёлк моего платья у самого ворота. Раздался омерзительный треск рвущейся ткани. Другой стражник сдёрнул с моего пальца золотой обручальный перстень и отнёс его своему хозяину, не забыв угодливо поклониться.

Это было не просто унижение. С меня сдирали не одежду — с меня сдирали мою суть, моё прошлое, моё достоинство. Я осталась стоять в одной тонкой сорочке под прицелом сотен злорадных глаз.

— Прекрасно! — в голосе судьи прозвучало неприкрытое торжество. — Перед людьми и перед богами, брак Командующего Дариана из дома Легард и Вивиен из дома Линд аннулирован! Слушание объявляется закрытым. Всем покинуть помещение!

Зал мгновенно наполнился гулом голосов и шипением пересудов о моём позоре, громких, ничем не сдерживаемых. Но я оглохла к ним. Глаза смотрели только в одну точку. Туда, где всё ещё стоял Дариан. Мы сверлили друг друга взглядами.

Из меня рвалась беззвучная мольба. В нём застыла ледяная, преступная непоколебимость.

— Разве ты не любил меня? — это были первые слова, что я сказала ему за все мучительные часы этого судилища.

До этого с моих губ срывались лишь механические “да” и “нет” в ответ на вопросы судьи. Словно сломанная заводная кукла, обречённая повторять одно и то же.

— Дариан...

Едва слышный шёпот. Но я знала — он услышит. Драконий слух не знает преград.

Однако мой муж просто отвернулся.

Муж... Я всё ещё называла Дариана мужем.

Как глупо. Как по-детски наивно цепляться за слово, которое мне уже не принадлежит.

Не оглядываясь, Дариан широким шагом направился к распахнутым дверям, что вели в глубину зала. И я... пошла за ним.

Ноги сами понесли меня вперёд, сквозь расступающуюся с брезгливым шипением толпу. Я не видела их лиц, не слышала голосов. Мой мир снова схлопнулся до одной-единственной движущейся фигуры.

Я шла. Упрямо, как побитая собака, что ползёт за жестоким хозяином, не в силах разорвать невидимую цепь.

Послушно, на одних лишь инстинктах, которые вопили, что без него — смерть. Пустота. Ничто.

Унизительная тонкая сорочка не пропускала озноб. Всё моё существо было натянуто до предела. Сосредоточено на одном — догнать. Заглянуть в глаза.

Я хотела с ним поговорить. Ведь... ведь мы так ничего и не обсудили.

Когда метка исчезла, всё оборвалось. Из особняка, который успел стать мне домом, меня просто... перевезли. Вместе с вещами, словно неодушевлённый предмет. В номер

ближайшей гостиницы. Дариан позаботился об оплате. Но его щедрости хватило ровно на неделю. И неделя была уже на исходе.

— Дариан! — звук растворился в воздухе, превратившись в надломленный шепот.

Имя властителя имперских легионов пронеслось по пустому коридору, рикошетом отразилось от каменных стен и рассыпалось беззвучной пылью у самых его сапог.

Дракон замер. Не обернулся, лишь застыл несокрушимой глыбой, загораживая свет.

Секунда, другая... Мне показалось, что моё сердце вот-вот разорвётся от напряжения, не выдержав пытки тишиной.

Я доковыляла до него, впиваясь пальцами в собственную руку, чтобы не упасть, чтобы хоть что-то чувствовать, кроме всепоглощающей пустоты. Спина моего мужа была такой широкой, такой надёжной. Стена, за которой я могла спрятаться от всего мира. Стена, которая теперь рухнула, погребая меня под обломками.

— Что... что теперь будет со мной?

Дариан медленно обернулся — не всем телом, лишь шею напряг.

Я встретилась с его глазами. В них больше не было огня. Взгляд был пуст. Точно смотришь в заброшенный колодец, на дне которого нет ничего, кроме тьмы и гнили.

— То же, что бывает со всеми другими, — холодно проговори он. — Ты отправишься в монастырь Смиранных Се-

стёр.

Монастырь Смиренных Сестёр...

Три этих слова ударили наотмашь. Воздух застыл в лёгких, а солнечное сплетение сжалось в тугой комок боли.

Нет... Нет! Только не туда.

Ужас, невыразимый, немой, о котором я читала лишь в дешёвых романах, вдруг стал осязаемым. Он заполз под кожу, осел в костях тяжёлым металлическим холодом.

Я дёрнулась, как пойманный в силки зверёк, инстинктивно пытаюсь отступить, убежать, исчезнуть.

Монастырь Смиренных Сестёр... Это не было местом благочестия. Это была живая могила для драконьих жён. Тюрьма для тех, кто стал неудобен, кто надоел, кто не оправдал надежд. Место, откуда не возвращаются, где женщины в серых робах медленно угасают, теряя рассудок в тишине и забвении.

— Нет, — звук, застрявший между хрипом и стоном, ца-рапнул горло. — Нет, ты не можешь отправить меня туда!

Дариан усмехнулся. И в этой усмешке не было ничего от того мужчины, которого я любила. Лишь горький яд, кристаллики льда в глазах и та особая жестокость, которую при-пасают для тех, кого презирают.

— Почему нет? — Дариан склонил голову.

Он смотрел на меня так, словно я была редким экземпляром из его личной коллекции. Существом, которое спер-ва нужно препарировать, изучить повадки и страхи, а затем

безжалостно уничтожить.

— Разве ты особенная, Виви?

Виви... Это имя, которым он так ласково называл меня, теперь прозвучало как пощёчина.

— Ты не видишь? — прошептала я. — Что-то не так. Метка не могла просто исчезнуть. Истинность не работает так. Это какая-то ошибка, проклятие, чья-то злая воля...

— Единственная ошибка здесь — ты, — отрезал Дариан, скривив губы в брезгливой гримасе. — Ты и твоя неспособность дать мне наследника. Дому Легард нужна кровь. Сильная кровь. А не бесплодная кукла.

Каждое слово било точно в цель, будто Дариан годами готовил эту речь. Ночами не спал и всё репетировал и репетировал...

— Дариан! — раздался звонкий, мелодичный голос с конца коридора.

Я обернулась и увидела знакомое личико. Высокая фигурка, обтекаемая золотистым светом, струящиеся локоны цвета янтарного мёда, глаза — два озёра зимней синевы... Слишком глубокие. Слишком холодные, чтобы выжить.

София Морганс. Одна из фрейлин императрицы. Женщина, чей взгляд всегда скользил по мне с брезгливостью и раздражением.

Она приближалась, покачивая бёдрами, в платье, подчёркивающем каждый изгиб тела.

— Дариан, — снова произнесла женщина. Её лицо, совер-

шенное, как древняя статуя и столь же безжалостное, озарила улыбка триумфатора. — Почему это недоразумение всё ещё здесь? Я думала, ты давно отдал приказ стражникам вышвырнуть её.

Она встала рядом с Дарианом, небрежно положив руку на его плечо. И Дариан... он не только не отстранился — он подался к ней, словно цветок к солнцу, бессознательно, инстинктивно.

Сердце застыло мёртвым грузом, когда я увидела метку. Точно такую же, что была у меня.

— Ты... Она... — я замотала головой, задыхаясь от невозможности происходящего. — Она твоя новая истинная? Невозможно!

— Великий Дракон сделал выбор, — безжалостно отчеканил Дариан. — Софи подарит мне наследника. А ты... ты была ошибкой. Ошибкой, которую давно нужно было исправить.

— Стража! — сейчас голос Софии показался мне презренным, точно жужжание трупной мухи, слетевшейся на падаль. — Уведите её!

Словно заводные куклы, повинувшись приказу новой хозяйки, двое стражников, что до этого стояли истуканами, двинулись на меня. Их шаги гулко отдавались в моём застывшем сознании. Я не отступила, не сделала ни единого движения, когда грубые пальцы впились в мои плечи.

Меня поволокли обратно по коридору, из которого я при-

шла, полная отчаянной, идиотской надежды. Ноги путались, скользили по гладкому камню, я спотыкалась, но хватка стражников была железной. Они не давали мне упасть, просто тащили вперёд, как мешок с мусором, который нужно поскорее вынести.

А я... Я смотрела. Не отрываясь, смотрела на Дариана и Софию. Они остались позади, и их силуэты в проёме дверей, залитых светом, казались единым, неразрывным целым.

Дарен не оглянулся. Ни разу.

И когда фигуры окончательно растворились в ярком свете, мир для меня погас.

Коридор закончился. Тяжёлые двери зала суда распахнулись. И меня не просто вывели. Меня вышвырнули. Грубый, беспардонный толчок в спину — и я кубарем вылетела на залитую солнцем площадь.

Глава 2

Мостовая бросилась мне навстречу, с садистским удовольствием подставив под колени свой щербатый бок. Злой треск, яростная вспышка боли до самого бедра — и я вцепилась зубами в губу, чтобы не закричать. Тончайший батист ночной сорочки лопнул, и я с ужасом увидела, как по белоснежной материи расплзается алое пятно.

— Пекло... — выдохнула я, почти беззвучно.

Кровь струйкой стекала по голени, образуя на камне маленькую багровую лужицу.

Только не реветь. Соберись, Вивиен! Двадцать один год — вполне солидный возраст, чтобы не размазывать сопли на грязной улице.

Но моим слезам было глубоко плевать и на возраст, и на остатки гордости.

Шмыгнув носом, я прижала ладонь к ране и выдавила из себя жалкий ручеек силы. Великим магом меня было сложно назвать, но унять кровь кое-как получилось. К сожалению, на этом мои таланты заканчивались. Я ведь даже до второго курса не доучилась.

Дариан... Наша свадьба. Всё произошло так быстро. Отец умолял одуматься, не бросать учёбу, но я, юная целительница, уже млела от внимания самого Дариана Легарда.

Ну а как же? Дракон. Опытный мужчина и воин. Коман-

дующий легионами, да вдобавок племянник самого императора!

Дура? О да, это самое подходящее для меня слово.

Я купилась на красивую сказку. Вот только финал у неё оказался коротеньким и весьма поучительным: мне очень быстро и доходчиво объяснили, где моё место. Вот... На грязной площади.

Подняв голову, я в который раз прокляла сегодняшний день. Вокруг меня собралась толпа зевак — те, кто не успел насладиться моим позором в зале суда. На меня даже дети пальцем показывали.

Встав на ноги, я почувствовала, как дрожат колени, но не от боли, нет. От бешенства и жгучего стыда.

“Какая несправедливость!” — пронеслось в голове подобно урагану. — “Почему я родилась жалкой целительницей? Ни тебе драконьей шкуры, ни магии огня, ни способности призвать грозу одним щелчком пальцев!”

О, сейчас бы я устроила этим любителям чужих трагедий такое представление, что сказки о нём рассказывали бы внукам их внуки...

“И вот опять” — я дала себе мысленную затрещину.

Витаю в облаках, когда земля под ногами горит. Жизнь меня пинает, а я всё мечтаю о крыльях.

Сейчас мне нужно убираться отсюда, пока какой-нибудь предприимчивый делец не догадался натянуть балаганный шатёр с пёстрыми флажками и не начал брать по два медя-

ка за возможность поглазеть на “экспонат”. Бывшая жена командующего, отвергнутая истинная — чем не диковинка для ярмарочной площади? Почти как публичная казнь, только растянутая во времени и без крови. Хотя кровь здесь тоже есть — она просто течёт внутри, невидимая никому.

— Пошли прочь! — рявкнула я, вложив в голос всю оставшуюся силу.

Удивительно, но сработало. Толпа дрогнула, расползлась, образовав узкий, извивающийся проход. Только в этом коридоре из человеческих тел я почувствовала себя ещё более голой, чем была на самом деле.

Ветер играл с тканью сорочки, то прижимая её к телу, то задирая выше, чем позволяли приличия.

Первый шаг. Второй. Будто учусь ходить заново.

Небо над площадью полыхало невыносимо ярко, какой-то кислотной синевой. Солнце било в глаза — хотя, возможно, это просто слёзы превращали мир вокруг в размытую акварель.

— Шлюха драконья! — выплюнул кто-то из толпы.

Я вздрогнула, но не сбилась с шага. Только крепче сжала кулаки.

— Нет, ты посмотри, бывшая-то. Видать, в постели не сладилось, раз дракон такую красотку бросил!

Смешки, перешёптывания, мерзкое хихиканье. Площадь превратилась в бесконечный коридор позора. Но я шла. Переставляла ноги. Одну за другой. Правую. Левую. Правую.

Наконец, пытка закончилась — узкая улочка пожрала меня, спрятав от алчущих глаз. Здесь город жил своей обычной жизнью — торговцы надрывали глотки, нахваливая товар, подмастерья, сгибаясь под тяжестью свёртков, проклинали мастеров и их заказы, служанки лавировали между прохожими с корзинками, полными соблазнительных ароматов хлеба и спелых фруктов.

Я прислонилась к шершавой стене, и только тут меня настигло осознание полной беспомощности — я понятия не имела, куда идти. Столица огромна, и я не знала её всю досконально. Да, была гостиница, в которую меня поселили. Но где она? В какой стороне? В какой части этого проклятого города?

В гостиницу меня доставил экипаж Дариана, в суд — карета с гербом правосудия. Меня везли как преступницу — в чёрном ящике с решётками вместо окон, словно опасного зверя, которого нельзя выпускать на свободу...

А в самой гостинице... Я никуда не выходила. Позволила миру существовать без меня. Сидела в комнате, оплакивая своё разбитое сердце. Но помогло оно мне? Нет. Наглые лжецы, кто говорит, что после слёз становиться легче! Слёзы не смывают боль, а лишь обнажают рану, которая будет гноиться вечно.

— Госпожа? — внезапно раздался голос рядом.

Я обернулась. Передо мной стоял мальчишка лет двенадцати, рыжий и конопатый, с живыми, любопытными глаза-

ми.

— Вы ведь госпожа Вивиен Легард? — спросил он, и я поморщилась от фамилии, которая больше мне не принадлежала.

— Просто Вивиен, — выдавила я из пересохшего горла.

— Меня послала хозяйка “Кривого фонаря”, — мальчишка нервно переступил с ноги на ногу. — Сказала, что вас нужно будет проводить на постоянный двор. И ещё велела передать вот это.

Он протянул мне свёрток. Старая, но чистая ткань скрывала что-то мягкое. Я развернула — простое серое платье без украшений и потёртый плащ с капюшоном.

— Сказала... — мальчишка запнулся, покраснев до корней своих рыжих волос, — что вам может пригодиться... э-э... другая одежда.

Боги. Даже владелица дешёвой гостиницы понимала, что будет со мной после развода. В отличие от Дариана. Хотя о чём это я? Дариану плевать на меня.

Я накинула плащ поверх сорочки, завернулась в него, как в кокон. Ткань пахла дымом — не самый приятный запах, но сейчас он казался благословением.

— Веди, — коротко бросила я мальчишке.

В какой-то момент внутренний инстинкт шепнул, что эта помощь может выйти мне боком. Кто знает, кто на самом деле подослал этого мальчишку? Но я пошла, потому что ничего другого мне не оставалось.

Мы петляли по узким улочкам, всё дальше уходя от богатых кварталов. Дома становились ниже, теснее прижимались друг к другу, словно им тоже было холодно и одиноко. Однако я узнавала их. Вот знак кожевенной мастерской, который я видела через окно экипажа, почувствовала запах горелого хлеба, увидела вывеску артефактора, а после показалась и сама гостиница. Маленькая. Приземистая.

“Кривой фонарь” полностью оправдывал своё название. Над входом висел старый фонарь, изогнутый под таким невероятным углом, что казалось чудом, как он ещё не рухнул на голову какому-нибудь несчастному постояльцу.

— Бедная девочка! — едва мы переступили порог, ко мне подлетела женщина, похожая на ходячую гору сдобного теста

Она без церемоний сгребла меня в охапку, прижав к своей необъятной груди. От неё густо пахло жареным луком и прогорклым маслом.

— Ох, милая, — женщина отстранилась, качая головой, но не отпуская моих плеч. — Эти драконьи законы! Они слишком суровы для таких хрупких созданий, как ты. Выставить тебя на улицу в одной сорочке! Где это видано?

Хозяйка снова притянула меня к себе, поглаживая по спине, словно маленькую.

В её голосе было столько искреннего участия, что к горлу подкатил ком. Она казалась слишком... слишком доброй для этого жестокого мира.

— Мирт! — вдруг рывкнула она, резко обернувшись к мальчишке, топтавшемуся у входа. Голос её из ласкового воркования превратился в стальной скрежет. — Что стоишь, как пугало огородное? А ну, живо на конюшню, работы невпроворот!

Мальчишка подскочил и пулей вылетел за дверь.

— И до ужина, чтобы ноги не было на пороге! — крикнула женщина вдогонку, а потом снова обратилась ко мне.

Её лицо преобразилось в одно мгновение — суровость исчезла, уголки губ поползли вверх, обнажая в приторно-сладкой улыбке слишком много зубов.

— Я... я постараюсь сегодня же освободить комнату, — пролепетала я, пытаюсь вернуть себе хоть каплю самообладания. — Дариан... мой муж... он платил лишь за неделю, а уже прошло...

Хозяйка так энергично замахала руками, что я замолчала.

— И слышать не хочу! — отрезала она. — Я всё понимаю, детка. Всё! Сама от такого же подлеца натерпелась, чтоб ему пусто было во всех девяти мирах! — женщина сочно сплюнула через левое плечо. — Так что живи, сколько потребуется. Комната твоя. Никто на неё не претендует.

— С-спасибо... — выдавила я из себя и поспешила добавить: — Я тогда... пойду к себе.

— Ну конечно, деточка, иди, — засуетилась, закивала с приторной радостью хозяйка. — Я велю, чтобы тебе принесли свежей воды и еды.

Я попятилась к лестнице, не в силах отвести взгляда от женщины. Хозяйка всё так же стояла посреди зала. Её улыбка не сходила с лица — жуткая, застывшая маска, словно кто-то невидимой иглой пришил уголки губ к дряблым щекам.

Ледяной змеёныш тревоги шевельнулся где-то в глубине души.

К чему это показное радушие? Этот липкий, изучающий взгляд?

Но я отмахнулась от смутных подозрений. Мир не без добрых людей, в конце концов. Не мог он почернеть до самого дна.

Я поднялась по лестнице на второй этаж. Поворот направо. Последняя дверь в коридоре. Моё нынешнее пристанище.

Едва я переступила порог, меня обдало смрадной волной отчаяния.

Какой контраст с моей прежней жизнью!

Память услужливо нарисовала спальню в особняке Даригана: утопавшая в солнечном свете комната с высоченными потолками, где из окон открывался вид на благоухающий розарий. Шёлковые портьеры цвета морской волны колыхались от лёгкого ветерка, огромная кровать с балдахином из тончайшего кружева парила над мраморным полом, словно облако. Повсюду — изящная мебель из светлого дерева, инкрустированная перламутром, серебряные канделябры, хру-

стальные вазы с живыми цветами, меняющимися каждое утро. Ванная комната из розового мрамора с золотыми краями, из которых по моему желанию лилась вода, настоянная на лепестках роз и эфирных маслах.

А здесь... Узкая кровать с продавленным, жёстким матрасом, на котором чувствуешь каждую пружину. Единственное жалкое окно, наглухо запаянное — видимо, чтобы постояльцы не сбежали, не расплатившись.

За неделю моего “заточения” комната пропиталась запахами страха, боли и слёз. Моих слёз.

Потемневшие от сырости обои местами отклеились от стен, обнажая пятна плесени. И посреди этого убожества, нелепыми саркофагами, громоздились сундуки.

Внутри — мёртвые сокровища. Платья из прежней жизни — бархат, расшитый золотом, шёлк, тяжёлая парча, серебряная тафта, мерцающая словно лунный свет на водной глади.

Я без сил опустилась на грязный пол, вцепившись в кусок изумрудной ткани.

— Зачем? — прошептала я в пустоту комнаты. — Зачем всё это мне теперь?

Особенно в стенах монастыря, куда Дариан грозился меня отправить.

Там не нужны будут эти наряды. Там мне выдадут грубое монашеское одеяние из некрашеной шерсти. Волосы обстригут, платья отберут. Даже имя заменят на новое.

Неужели это конец моего пути?

Внезапно в голове вспыхнула безумная мысль, и я метнула взгляд на заколоченное окно. Бежать! Но куда? Домой, в родовое поместье?

Нет... Путь туда заказан. Дариан владеет им по праву приданого. Для меня родовое гнездо стало чужим домом, порою которого мне теперь запрещено переступить.

Вдруг в дверь постучали. Стук был тихим, почти робким. Три коротких удара.

— Войдите, — произнесла я, поспешно отирая слёзы рукавом плаща.

Дверь отворилась и в комнату юркнула знакомая фигурка. Ада — так, кажется, называла её хозяйка. Девчушка лет пятнадцати, с длинной чёрной косой, спускавшейся до самой поясицы. Коса была заплетена неровно, с выбившимися прядками, придававшими ей какой-то трогательный, подетски неряшливый вид.

В руках девушка держала деревянный поднос. От миски с водой поднимался лёгкий парок, рядом на тарелке, источая медовый аромат, лежали печёные яблоки и ломоть хлеба. На сгибе её локтя висело серое, застиранное полотенце.

— Я в-вам принесла, — пролепетала девушка, улыбаясь так широко, что на щеках появились глубокие ямочки. — Вода. Тёплая. Хозяйка велела.

— Спасибо... — я выдавила из себя подобие улыбки, которая, должно быть, выглядела жалкой гримасой.

Девушка быстро поставила поднос на стол, повесила поло-

тенце на крюк у двери и так же стремительно исчезла, оставив меня наедине с запахом печёных яблок и собственным отчаянием.

Оставшись одна, я осторожно начала смывать с лица слёды слёз, пота и уличной пыли.

После умывания распустила волосы и попыталась расчесать их пальцами. Некогда шелковистые пряди превратились в спутанное чёрное воронье гнездо.

Одевалась медленно. Не в шелка и бархат, что покоились в дорожных сундуках, а в простое платье из грубого полотна, переданное мне рыжеволосым мальчишкой по приказу хозяйки. Оно было чуть великовато, но не настолько, чтобы вызывать дискомфорт.

“В монастыре меня оденут ещё скромнее” — пронеслась мысль, и я вздрогнула.

Монастырь. Угроза бывшего мужа была реальна. Если Дариан что-то решил, он не отступится.

Я представила себя в грубом монашеском одеянии, с остриженными волосами, запертую в каменных стенах до конца дней...

Нет. Только не это. Лучше смерть, чем такое существование.

Я бросила взгляд на сундуки. Платья. Они ведь стоили целое состояние — шёлк из Восточных земель, кружево, которое плели по три месяца, вышивка золотыми нитями... Дариан никогда не скупился на мой гардероб.

“Моя истинная должна сиять ярче всех придворных дам” — говорил он, одаривая меня очередным шедевром портновского искусства.

А что если... что если продать их? Конечно, я не выручу и половины их стоимости, но даже часть этих денег позволит... что? Сбежать? Начать новую жизнь?

Я взяла с подноса печёное яблоко, его тёплая сладость на мгновение принесла утешение. Идея, сперва туманная, начала обретать форму. Чтобы упечь меня в монастырь, Дариан пришлёт экипаж. Но деньги... деньги могут творить настоящие чудеса. Что, если подкупить возницу? Умолять, заплатить, чтобы он высадил меня не у монастырских ворот, а в какой-нибудь захудалой деревушке, где меня никто не станет искать?

Решение пришло внезапно, обжигая своей дерзостью. Нужно поговорить с хозяйкой!

Она казалась женщиной понимающей. Возможно, согласится выкупить платье?!

Пусть и за бесценок, пусть потом продаст их втридорога — сейчас это неважно.

Я доела яблоко, сполоснула руки и, вытерев их о жёсткое полотенце, решительно шагнула к двери.

Медлить нельзя. Время — мой главный враг.

Я уже была на полпути вниз, когда до меня донеслись приглушённые голоса из общей залы.

— ...не знаю, Сесси, не знаю... — гудел низкий мужской

голос. — Она, пекло её раздери, жена этого... Легарда. А что, если он узнает?

— Ну узнает, и что с того? — фыркнула хозяйка. — Ты разве не слышал, что он с ней сделал? Для него она теперь никто.

— А родственники? Станут искать. Девка — аристократка, не какая-нибудь шваль.

— Да нет у неё никого, — прошипела женщина. — Она тут пока сопли на кулак наматывала, я всё разузнала. Ну же, Лисс, подумай. Такая красotka. От клиентов отбоя не будет...

Глава 3

— Потребуется время... — протянул мужчина, и в голосе его было куда больше сомнений, чем у женщины, которая с сочувствием обнимала меня всего полчаса назад. — Не хочу нести убытки. Лучше действовать по накатанной. Куда проще сломать какую-нибудь несмышлёную девку с улицы.

Хозяйка издала сухой, каркающий смех.

— Эту никчёмную аристократку сломать будет ещё легче. Она уже сломлена! Муженёк её, видать, постарался на славу.

Звуки их голосов исказились, поплыли, и весь мир опасно накренился. Я впилась в занозистые перила, как в единственное спасение, боясь рухнуть с лестницы. Один неверный вздох, скрип половицы, и меня услышат. Конец.

— Ты бы видел её в первый день, — продолжала хозяйка, и в её голосе сквозило хищное, садистское наслаждение. — Жалкая, мокрая тряпка! Вся дрожит, глаза красные, как у кролика перед бойней. А в сундуках — шелка да бархат.

— Пекло... Но что если...

— Плевать! — оборвала его женщина. — Никого у неё нет, смекаешь? Ни-ко-го! Родня в могиле, муженёк отрёкся. Кто её хватится? Кому она теперь сдалась? Для всех она уже покойница.

Ноги подо мной превратились в вату. Мне стоило нечело-

веческих усилий, чтобы не сползти по стене бесформенной, дрожащей лужицей — именно такой, какой меня только что описала хозяйка. Правда обожгла горше полыни: и впрямь, кто станет меня искать?

— А потом, — голос хозяйки вдруг стал вкрадчивым, обволакивающим, почти нежным, — есть ли у нее выбор? Без денег, без крыши над головой. Сам знаешь, куда такие попадают.

— В монастырь, — глухо отозвался мужчина.

— Наслышана я об их нравах! Тюрьма под вывеской благочестия. А у нас... У нас она будет в тепле, сытая. Всего-то за небольшую... услугу.

— Услугу... Изящно. И долго, думаешь, она продержится?

— Месяц, не больше. А после привыкнет. Либо... либо сломается до конца. Главное — пережить первые недели, пока кочевряжится.

Я зажмурилась, вдыхая затхлый воздух. Головокружение накатило с новой силой.

Собратся. Мне нужно было собраться с силами.

— Так что, по рукам? — голос хозяйки донёсся будто из-под толщи воды.

— Лады.

— Вот и славно. Десять процентов с её выручки — мои.

— Страшная ты женщина, Сесси, — рассмеялся мужчина.

— Когда?

— Я ей пока зубы заговорю. Но лучше сегодня ночью. Пока её благоверный не опомнился и не прислал своих псов.

— А когда они явятся, что скажешь?

Воздух кончился. К горлу подступила тошнота.

— Скажу, что сбежала...

Хозяйка говорила что-то ещё, но я уже не разбирала слов. Разжав ооченевшие пальцы, я отлепилась от перил. Бесшумно, тенью скользнула в свою комнату и подпёрла ручку двери стулом. Запираться на замок бессмысленно: наверняка есть второй ключ.

Пространство комнаты, загромождённое сундуками, вдруг сомкнулось, стены придвинулись вплотную, оставив мне лишь узкую полоску воздуха.

Я отступила вглубь, в самый тёмный угол, и сползла по стене на пол, обхватив колени руками.

В голове пульсировали слова хозяйки: “Жалкая, мокрая тряпка”.

Боги, как точно. Именно это я сейчас и есть.

Думай. Ну же, думай! Немедленно!

Но мысли, точно осколки разбитого зеркала, не желали складываться в единую картину.

Нужно было бежать.

Сейчас.

Но как?

Дверь, подпёртая хлипким стулом, была не преградой, а лишь отсрочкой. Окно, заколоченное намертво, смотрело на

меня насмешливым, слепым глазом. А план, такой стройный и логичный — продать платья, подкупить возницу — рассыпался в прах.

Сундуки были открыты и мой взгляд зацепился за тусклый блеск жемчужной россыпи на корсаже тёмно-синего бархатного платья. За сверкание изумрудов, вплетённых в золотую вышивку на рукаве другого. За тончайшее, как паутина, кружево.

Забрать платья — нет, невозможно. Я их просто не унесу. Оставить здесь, чтобы их продали? Пусть подавятся!

Камни... жемчуг... кружева... Их ведь можно спороть. Срезать. Вырвать с мясом.

Эти платья — моя последняя связь с прошлой жизнью. Но чтобы выжить, я должна эту связь разорвать.

Но чем? Ножниц не было. Ножа тоже.

Отчаянный взгляд скользнул по убогой комнате: голые стены, стол, стул, кровать... Внимание зацепилось за криво забитый гвоздь у окна.

Рывок, и ноготь тут же впился в дерево под шляпкой. Палец пронзила острая боль. Ноготь треснул до самого основания, но гвоздь... он едва заметно шевельнулся.

Не чувствуя боли и обезумев от надежды, я вгрызалась в неподатливую древесину. Гвоздь, издав жалобный скрип, поддался. Длинный, ржавый, кривой, с острым, хищным концом. То, что нужно!

Сжав в руке холодный металл, вернулась к сундукам. Пря-

мо на пол вывалила первое платье — из зелёного шёлка, расшитое серебряной нитью и речным жемчугом. На мгновение я замерла, проведя ладонью по гладкой поверхности. А потом вонзила остриё гвоздя в ткань.

Шёлк не резался, он рвался, нити вышивки лопались.

Я выковыривала, выдирала, выгрызала каждый камень, каждую жемчужину, оставляя на месте изысканного узора зияющие, уродливые дыры.

Руки болели. Пальцы онемели от судорожной, отчаянной работы. Разорванные лоскуты дорогого шёлка копились вокруг меня, как окровавленные бинты после побоища.

Второе платье — бледно-розовое, усыпанное крошечными рубинами по подолу. Третье — кремовое, с золотым галуном и аметистами цвета весенних сумерек. Аметисты сидели крепче, и я, сжав зубы, работала гвоздём как рычагом, пока металл не прорывал ткань насквозь.

К пятому платью руки уже почти не слушались. Силы таяли. Перед глазами плыли тёмные пятна, дыхание сбилось. Всё тело покрылось липким, холодным потом. Пальцы тряслись так, что гвоздь то и дело срывался, оставляя на коже кровавые царапины. Но я сжимала зубы до скрежета и продолжала работать.

Взгляд зацепился за следующий сундук — самый дальний, стоявший у стены.

Я подползла к нему на коленях, откинула тяжёлую крышку. Внутри — ещё платья, свёрнутые аккуратными свитка-

ми. Я начала выдёргивать их, отшвыривать в сторону. Алое. Золотое. Серебристо-белое, подвенечное...

Подвенечное.

Я замерла. Белоснежное платье, расшитое крошечными бриллиантами. В нём я выходила замуж за Дариана. В тот день я думала, что счастье будет вечным.

Глупая. Такая глупая...

Я сжала ткань, а после швырнула платье прочь. Оно упало на пол белым облаком.

Под последним слоем тканей в сундуке, мои пальцы нащупали что-то твёрдое. Холодное. Я вытащила небольшой мешочек из грубого полотна, затянутый кожаным шнурком.

Пальцы задрожали, развязывая узел.

Внутри — украшения.

Моё сердце ухнуло вниз.

Невозможно.

Дариан же... он же приказал отнести всё в сокровищницу. Абсолютно всё. Я помнила, как его люди методично обшаривали мои покои, забирая каждую брошь, каждое кольцо, каждую серёжку.

А этот мешочек...

Я высыпала содержимое на ладонь. Тонкий золотой браслет с тремя крошечными изумрудами. Пара серёжек с жемчугом. Простенькое кольцо с аквамарином — подарок отца на совершеннолетие.

Неужели... неужели какая-то сердобольная служанка сжа-

лилась? Тайком спрятала то небольшое, до чего смогла дотянуться. Рискуя собственной шкурой, сунула в самую глубину сундука, надеясь, что я найду?

Вот оно. Единственное, что мне досталось за два года замужества.

Поблагодарив в мыслях ту, что ослушалась приказа, я бережно затянула шнурок на мешочке и спрятала его за пазуху.

И тут раздался стук в дверь.

Три резких удара, заставивших меня подскочить.

— Деточка? — прозвучал сладкий, словно патока, голос хозяйки. — Открой, милая. Я ужин принесла.

Кровь отхлынула от лица. Я метнула взгляд по комнате и похолодела.

Пол был усыпан лоскутами изорванных тканей. Сундуки перевёрнуты, их содержимое разбросано в диком беспорядке. А посреди этого погрома стояла я — руки в крови, в глазах безумие, а в кулаке до боли сжат ржавый гвоздь.

— Деточка! — голос стал настойчивее. Стук повторился, громче и резче. — Ты меня слышишь?

Я ринулась собирать улики своего отчаяния. Хватала разорванные платья, судорожно сминала их, пытаюсь засунуть обратно в сундуки. Сгребала горсти камней и жемчуга, впихивая в карманы платья. Пальцы не слушались, камешки выскользывали, скатывались по полу со звонким стуком.

Кружево! Я схватила длинную полосу кружева, оторванную от одного из платьев, и тоже запихала в карман. Ткань

топорщилась, вылезала наружу, но мне было всё равно.

— Открывай, я же знаю, что ты там! — голос хозяйки стал резким, утратив всякую видимость ласковости.

Стук в дверь усилился, перешёл в настоящую барабанную дробь. Стул, которым я подперла дверь, жалобно заскрипел и задрожал. Ножки заскользили по полу.

— Сейчас... — я судорожно вдохнула и выдохнула, пытаюсь унять дрожь в голосе. — Сейчас открою.

Быстро огляделась. Самые явные улики убраны. Сундуки закрыты, хотя и наспех. На полу ещё валялись какие-то лоскуты, но в полумраке комнаты их можно было не заметить.

Я подошла к двери. Рука легла на стул. Сердце колотилось так, что, казалось, сейчас выпрыгнет из груди.

Ещё один глубокий вдох-выдох.

Я отодвинула стул и приоткрыла дверь — совсем чуть-чуть, лишь узкую щёлку, достаточную, чтобы выглянуть наружу.

На пороге, с подносом в руках, стояла хозяйка. Лицо её расплылось в медовой улыбке, но глаза, холодные и цепкие, сверлили меня, точно оценщик, прикидывающий стоимость вещи.

— Вот и славно, деточка, — проворковала она. — Уж думала, ты заснула. Принесла тебе горяченького супчика и свежего хлебушка.

— С-спасибо, — губы одеревенели, изогнувшись в уродливой пародии на улыбку. — Я... я не очень голодна.

— Как же так? — женщина вскинула брови, и улыбка стала ещё шире, ещё неестественней. — Целый день ничего не ела, небось. Давай-ка открывай пошире, я зайду, поставлю поднос...

— Нет! — я инстинктивно попыталась прикрыть дверь, но хозяйка уже просунула ногу в щель. — То есть... не нужно. Спасибо вам за заботу, но я... я правда не хочу есть.

Я старалась выглядеть спокойной, даже сонной, как человек, которого оторвали от отдыха. Но руки, спрятанные за дверь, тряслись мелкой дрожью, а в горле пересохло так, что каждое слово давалось с трудом.

Взгляд хозяйки скользнул мимо меня, пытаясь проникнуть в полумрак комнаты.

И тут её глаза расширились.

Проклятье.

Она что-то увидела. Должно быть, блеск камней на полу. Или клочок порванной ткани, выглядывающий из-под кровати.

— Что это? — голос хозяйки превратился в ледяной клинок.

Поднос выскользнул из её рук. Глухой удар. Звон разбившейся миски. Суп расплылся по полу солевой лужей.

Но женщине уже было не до супа. Она навалилась на дверь всей своей тушей — грузная, мощная, как таранное орудие.

Я вжалась в дверь, уперлась ногами в пол, но что я могла против её массы? Дверь распахнулась, снося меня с пути, и

я отлетела в сторону, больно ударившись о край сундука.

Хозяйка вломила в комнату, с шумом втягивая воздух своими лошадиными ноздрями. Её взгляд обшарил пол, распахнутые сундуки, ворох истерзанных платьев...

— Что ты наделала?! — голос её перешёл на истошный визг. — Что ты НАДЕЛАЛА, КРЫСА ВШИВАЯ?!

Она схватила с пола остатки зелёного платья — то самое, первое, которое я распорол.

— Ты... ты изуродовала их! — женщина трясла платьем, как охотничья собака трясёт добычу. Лицо её налилось багровой краской. — Как я их теперь продам?! Как?! Ты представляешь, сколько они стоили?!

Представляю ли я? О да! Прекрасно представляю!

Устроила целую истерику из-за того, что ей даже не принадлежало. Впрочем, она и меня считала своей вещью. Собиралась продать, как скотину.

Пока хозяйка причитала над изуродованными платьями, я медленно, бесшумно попятилась к двери. Сердце колотилось где-то в горле, в висках стучала кровь. Каждый шаг казался вечностью. Ещё немного. Совсем немного.

Рука нащупала дверной косяк. Я развернулась, готовая сорваться с места, когда... Хозяйка резко обернулась.

Передо мной было не лицо — багровый, налитый кровью холст ярости. Черты исказились до неузнаваемости, глаза сузились в две щёлки, налитые безумным гневом, рот перекошен в звериной гримасе.

Слюна брызнула с губ, когда она взревела:

— КУДА?!

Но я уже неслась по коридору.

Мысль пронзила на бегу: мне удалось! Получилось подпортить её планы — платья никуда не годятся, их не продать. А я... я больше не безропотная жертва. Теперь нужно бежать!

Я была быстрой. Уж точно быстрее этой грузной женщины!

Ноги несли меня к лестнице. За спиной раздался тяжёлый топот — хозяйка пустилась в погоню.

— Стой, дрянь!

Я влетела на лестничную площадку. Ещё мгновение — и я внизу, ещё мгновение — и я на улице... Но тут что-то с невероятной силой дёрнуло меня назад.

Толстые, липкие пальцы впились в руку выше локтя. Рывок был таким резким, что я вскрикнула от боли и неожиданности.

Как?! Как она успела?!

— Стоять! — прохрипела хозяйка, и волна кислого лукового смрада опалила щеку.

Не слушая угроз, свободной рукой, я, на одних лишь инстинктах, полезла в карман платья.

Гвоздь!

Не думая, не целясь, я выхватила его и со всей силы всадила в ладонь женщины.

Ржавое остриё с отвратительным, влажным чмоканьем прорвало дряблую кожу и увязло в рыхлой плоти.

Хозяйка взвыла. Её пальцы разжались, и я рванулась вперёд.

— Сука! — женщина редела, тряся рукой, из которой торчал гвоздь.

Тёмная, густая кровь сочилась между пальцами и тяжёлыми каплями падала на стёртые доски пола.

— Ты мне за это заплатишь!

Но я уже неслась вниз по лестнице. Ступени мелькали под ногами. Первая, вторая, третья...

Сейчас! Сейчас я буду внизу!

Нога соскользнула.

Мир перевернулся.

Удар в плечо. В бедро. Затылком о край ступеньки — и перед глазами вспыхнули звёзды.

Последний кувырок, и я с глухим стуком рухнула на пол в холле.

Боль была повсюду — тупая, пульсирующая. В ушах стоял тонкий, высокий звон. Кое-как я поднялась на четвереньки, отбросила с лица спутанные волосы и заморгала, силясь прогнать муть перед глазами.

Зал был пуст.

Почти.

У самой двери стоял рыжий мальчишка — Мирт. Тот самый, что привёл меня сюда. На миг мне показалось, что он

просто испуганный свидетель, что он не посмеет...

Собрав последние силы, я встала и рванула к выходу.

И тут передо мной, словно из ниоткуда, выросла тонкая нога в поношенном башмаке.

Я не успела даже вскрикнуть. Ноги заплелись, и моё измученное тело, потеряв равновесие, полетело вперёд. Руки выбросились в отчаянной, бесполезной попытке ухватиться за пустоту.

Удар был сокрушительным. Я врезалась лицом в каменный пол с такой силой, что во рту мгновенно появился густой, солёный привкус крови. Нос взорвался болью. Губа лопнула.

— Молодец, Мирт! — довольный рык хозяйки прокатился по залу. — Вот умница! А теперь живо за Лиссом! Быстро, щенок, пока не очухалась!

Я попыталась встать, но тело не слушалось. Руки скользили по мокрому от крови полу. Голова кружилась так, что невозможно было понять, где верх, а где низ.

Топот лёгких ног — мальчишка метнулся к выходу и исчез за дверью.

— Ада! — заорала хозяйка. — Ада, живо сюда!

Из тёмной коморки возле кухни показалась знакомая фигурка. Девушка-служанка, что принесла мне печёные яблоки и тёплую воду.

Наши взгляды встретились. В её глазах плескался ужас. Губы дрожали.

— Верёвку! — рывкнула хозяйка, прижимая окровавленную ладонь к груди. Гвоздь всё ещё торчал из её руки. — Тащи верёвку, бестолочь!

Ада замерла. Секунду. Две. Глаза её метались между мной и хозяйкой.

— Ч-что? — пролепетала она.

— Верёвку, я сказала! — женщина шагнула к ней, и девушка инстинктивно отпрянула. — Или хочешь оказаться на её месте?! Я это живо устрою! Понятно тебе?!

Ада побледнела ещё больше, если это было возможно. Её губы беззвучно шевельнулись — то ли молитва, то ли проклятие. Потом она резко кивнула и бросилась обратно в комнату.

А я... я продолжала лежать на холодном полу. Кровь из перебитой переносицы и разорванной губы, смешалась с горькой солью слёз. Тело стало чужим.

Послышались тяжёлые шаги. Хозяйка подошла ближе.

— Ну что, голубушка. Набегалась? Наигралась? Думала, умнее нас? Хотела сбежать?

Женщина медленно опустилась на корточки. Здоровой рукой схватила меня за волосы и дёрнула, заставляя запрокинуть голову.

— Никуда ты не денешься, — прошипела она мне в лицо. — Никуда...

Глава 4

Темнота была густой, вязкой. Она заливала меня, забивала лёгкие, утягивая на дно безмолвного колодца. Я дрейфовала в этом мареве, утратив ощущение собственного тела, не различая границ между собой и бесконечным чёрным ничто.

Но затем начали пробиваться звуки.

Голоса.

Глухие, искажённые, словно доносились сквозь стены, обитые старым войлоком.

— Пекло, да ты посмотри на неё, — низкий мужской голос, тот самый, что спорил с хозяйкой о моей судьбе. Лисс.

— Морда вся в крови.

— Сама виновата, — огрызнулась Сесси. — Бежать решила.

Я попыталась пошевелиться, но тело не слушалось. Руки... руки были стянуты. Ноги тоже.

— Убытки, Сесси, — протянул мужчина. — Сплошные убытки. Смотреть на неё противно.

— Ничего. У меня есть знакомый лекарь. Старый, но толковый. За пару серебряных подлатает курочку. Подлечит — и будет наша девочка как новенькая. Главное, чтобы нос прямо сросся, а то клиенты привередливые. Им красота нужна.

Значит, я всё-таки потеряла сознание? Память подсовывала обрывки: падение, хруст, липкие пальцы хозяйки в мо-

их волосах...

Мысли путались, наплывали друг на друга. Боль была тупой, пульсирующей, разливалась от переносицы до висков. Губа распухла, превратившись в онемевший, чужеродный нарост на лице.

Нужно... нужно открыть глаза.

Я с трудом заставила веки дрогнуть, приподняв слипшиеся от засохшей сукровицы ресницы.

Мир перед глазами плыл, расплзался. Я моргнула раз, другой, выжимая из глаз слезы, чтобы смыть пелену.

Постепенно контуры предметов обрели чёткость.

Я была всё в той же гостинице. В общей зале. Сидела на жёстком деревянном стуле, и верёвки стягивали мои запястья за спинкой. Ноги были привязаны к ножкам стула — каждая отдельно, чтобы я не могла пошевелиться.

За грязными, засиженными мухами окнами сгустились сумерки. Последние, багровые отблески заката растворялись в наползающей темноте.

Сколько я была без сознания? Час? Два?

В дальнем углу зала, у самой стойки, стояли две фигуры. Одна — девушка Ада, опустившая голову и вцепившаяся в край фартука. Рядом — рыжий мальчишка Мирт.

А ближе, прямо передо мной, расположились Сесси и Лисс.

Хозяйка примостилась на краю стола, баюкая перевязанную грязной ветошью руку. Лисс, кряжистый мужчина лет

сорока, с коротко стриженным ёжиком волос и тяжёлой челюстью бульдога, возвышался рядом, скрестив мощные руки на груди.

— Платья, — выплюнула Сесси, и я невольно вздрогнула. — Эта тварь всё исполосовала. А ведь какие деньги могли выручить...

Она замолчала, а потом перевела взгляд на Лисса.

— Но, может, что-то осталось. Какие-то лоскуты приличные. Их можно отдать твоим девочкам. Пусть перешьют себе что-нибудь.

Лисс едва заметно кивнул. Его глаза, холодные, серо-зелёные, как мутная вода в болоте, скользнули по мне. Оценивающе, словно я была не человеком.

Потом он медленно, не торопясь, подошёл ближе. Наклонился. Протянул руку и пальцем грубо поддел мой подбородок, заставляя поднять голову.

Я сжала зубы, чувствуя, как по разбитой губе снова потекла кровь.

Мужчина медленно покачал головой.

— Всё могло быть иначе, — произнёс он. — Посмотри, что ты с собой сделала?

Что я с собой сделала?

Внутри, где-то под рёбрами, вспыхнула ярость — белая, слепящая, выжигающая страх.

Что Я сделала?!

Я — ничего! Это вы! Вы решили превратить меня в вещь,

продать, как скотину на бойню!

Рот наполнился солоноватым, металлическим вкусом. Кровь скопилась под языком. И я, не взвешивая, не думая о расплате, просто поддалась импульсу.

Плюнула. Лиссу. Прямо в лицо.

Красная, вязкая слюна попала мужчине на щёку, потекла вниз, к подбородку.

Лисс замер. Секунду он стоял неподвижно, глядя на меня с выражением, в котором читалось не столько бешенство, сколько искреннее, почти детское изумление.

— Ублюдок, — выдавила я сквозь распухшие губы. — Ублюдок...

И тут же мысль: “Плюнуть в лицо? Раньше даже подумать об этом было страшно. Меня не так воспитывали”.

“Леди сдержанна. Леди учтива. Леди никогда не повышает голос и не позволяет себе вульгарностей” — наставляли меня нянюшки.

“Ты — дочь графа” — вторил им отец, и я почувствовала фантомное прикосновение его губ к макушке. — “Ты должна быть образцом благородства и изящества”.

И я старалась. Боги, как же старалась!

Однако я выросла тепличным цветком — слабым, беспомощным, непригодным для реальности. Шёлк, бархат, вышитые тифельки, не знавшие грязи. Я жила в золочёном коконе, где самой страшной трагедией считалось пятно на бальном платье...

Лисс медленно, брезгливо, вытер щеку тыльной стороной ладони. Посмотрел на красный след на коже.

— Характер, — процедил мужчина сквозь зубы. — Значит, всё же есть характер. Ну ничего. Мы его из тебя выьем. По косточке.

Он отступил и повернулся к Сесси:

— Нужно как-то перенести её к нам. Пока псы Легарда не объявились.

Хозяйка кивнула и, кряхтя, опустилась на колени перед стулом.

Я почувствовала, как ослабевает хватка пут. Сначала правая нога — жёсткая пенька соскользнула с лодыжки, и в затёкшую конечность иголками вонзилась кровь.

Решение пришло мгновенно. Инстинкт зверя, загнанного в угол, проснулся раньше разума.

Я напрягла мышцы бедра, сгруппировалась и, вложив в это движение всю накопившуюся ненависть, выбросила ногу вперёд.

Пятка с глухим, влажным хрустом врезалась в лицо Сесси.

Удар был такой силы, что я вместе со стулом рухнула на бок, больно ударившись плечом. Но женщине пришлось хуже. Гораздо хуже. Я отчётливо слышала звук... звук ломающейся кости.

На секунду повисла звенящая тишина. А затем мир взорвался хохотом.

— Пекло! — гоготал Лисс, схватившись за живот. — Сес-

си! Эта дохлая аристократка тебя... тебя уложила как мешок с репой! Ох, Боги, давно я так не смеялся!

Мужчина заливался лающим смехом, запрокинув голову, упиваясь ситуацией, когда вдруг...

Стук.

Чёткий, ритмичный. Цокот копыт по брусчатке. Звук приближался, нарастал, заполняя собой пространство.

Лисс поперхнулся смехом. Веселье испарилось, сменившись звериной настороженностью.

— Что за...

Цокот усилился. Не один всадник. Несколько. Они остановились прямо перед гостиницей.

Лисс чертыхнулся и рванул к окну. Выглянул наружу. А в следующую секунду дверь распахнулась.

Дверь даже не открыли — её вынесли.

Мощный удар, треск разрываемого дерева, и тяжёлая створка, сорванная с петель, отлетела в сторону, врезавшись в стену с грохотом пушечного выстрела.

На пороге возник силуэт.

Я всё ещё лежала на полу, привязанная к упавшему стулу, и не могла разглядеть лица — мешал контражур уличных фонарей. Но первое, что бросилось в глаза — рост. Макушка мужчины едва не задевала притолоку, а разворот плеч перекрывал весь дверной проём, не оставляя тьме ни шанса просочиться внутрь.

Фигура шагнула в зал. Свет упал на лицо.

Мир замер. Время остановилось, сжавшись в одну единственную точку.

Сердце пропустило удар. Второй. Третий. А потом забило как в лихорадке.

— Дариан... — прошептала я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.